ਪੀ 426/594

Отцу Якову Ва[illegible]
в знак искренней
дружбы и у-
важения от
Автора

Б. XII/279
XXVI 2 п-ка 2 / 17
Б. VI 5.
ПОГАШЕНО
[illegible] Библiотека
И 426/594
Б. VII 2.

D
24893

РАЗСУЖДЕНІЕ

О ВАЖНОСТИ

ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА.

РАЗСУЖДЕНІЕ

О ВАЖНОСТИ

ГРАММАТИЧЕСКАГО ЯЗЫКА.

И $\frac{426}{594}$

РАЗСУЖДЕНІЕ

О ВАЖНОСТИ

ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА,

ЧИТАННОЕ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

МОСКОВСКОЙ 1й ГИМНАЗІИ,

СТАРШИМЪ УЧИТЕЛЕМЪ,

МАГИСТРОМЪ

Игнатіемъ Коссовичемъ.

Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина

77/43-76

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1846.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Ноября 12-го дня 1846 года.

Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ

И. Снегиревъ.

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА
77143-76

МОСКОВСКАЯ
ПОЛУЧЕНО

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Грецiя и Римъ..... 2— 5

2. Грецiя и новѣйшіе народы вообще: въ особенности же значеніе Гречнскаго языка въ отношеніи къ Россіи..... 5— 6

3. Взглядъ на отношеніе Греческаго языка ко всѣмъ родамъ литературы... 9—12

4. Выводъ изъ предыдущихъ частей о превосходствѣ Греческаго языка..... 12

5. Разныя возраженія противъ изученія Греческаго языка и ихъ опроверженіе..... 12—17

6. Заключеніе..... 17

ПОЗВОЛЕНО!

Удовлетворяя просьбѣ многихъ, желающихъ имѣть мое разсужденіе: *о важности Греческаго языка*, я его предалъ вторичному тисненію. Оно является опять въ томъ видѣ, въ какомъ было произнесено, съ нѣкоторыми однако пополненіями.

МОСКОВСКАЯ
ЕПАРХИАЛЬНАЯ
БИБЛІОТ

О ВАЖНОСТИ ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА.

> A graeco sermone puerum incipere malo: quia latinus, qui pluribus in usu est, vel nobis nolentibus se perhibet; simul quia disciplinis quoque graecis prius instituendus est, unde et nostrae fluxerunt.
>
> Marc. Fab. Quintil. Institut. Orat. L. I. II.

Вотъ законъ, предложенный Квинтиліаномъ родителямъ и наставникамъ Римскаго юношества! Когда монархія Римская достигла высочайшей степени образованности, обладала языкомъ воздѣланнымъ, имѣла литературу, красующуюся именами Цицероновъ, Горацієвъ, Виргиліевъ, Ливіевъ и другихъ, онъ и тогда назначилъ первое мѣсто Греческому языку въ воспитаніи юношей просвѣщеннѣйшаго народа. „По моему мнѣнію, говоритъ онъ, ученіе юноши должно начинаться съ Греческаго языка, ибо Латинскому языку, находящемуся во всеобщемъ употребленіи, выучиваются даже и не желающіе; равно и потому должно начинать съ Греческаго языка, что и съ Греческими науками слѣдуетъ заранѣе знакомить юношу, отъ которыхъ и наши науки проистекли.“ Подобно Квинтиліану, отзываются неоднократно Цицеронъ и всѣ ученые Римляне, прославляя всегда Грековъ и свидѣтельствуя чистосердечно, что весь міръ образованъ Греками, что они укротили нравы народовъ, что Римъ исключительно Грекамъ обязанъ своимъ просвѣщеніемъ. Вся образованная Европа признаетъ это за истину, и языкъ Греческій во всѣхъ государствахъ тщательно изучается. И такъ, чтобы поощрить уча-

щееся юношество къ неутомимой ревности при изученіи этого священнаго языка, на которомъ пѣлъ Гомеръ, на которомъ излились божественныя истины Евангелія, что бы показать какое мѣсто долженъ онъ занимать въ воспитаніи, я намѣренъ въ краткомъ очеркѣ представить всю важность и достоинства его, пережившія политическое существованіе самого народа, говорившаго на немъ. Предметъ мой распредѣлится на слѣдующія части: 1. Греція и Римъ. — 2. Греція и новѣйшіе народы вообще: въ особенности же значеніе Греческаго языка въ отношеніи къ Россіи. — 3. Взглядъ на отношеніе Греческаго языка ко всѣмъ родамъ литературы. — 4. Выводъ изъ предыдущихъ частей о превосходствѣ Греческаго языка. — 5. Разныя возраженія противъ ученія Греческаго языка и ихъ опроверженіе. — 6. Наконецъ заключеніе.

Въ эпоху славы Греціи, когда почти надъ цѣлою вселенною тяготѣлъ мракъ невѣжества, языкъ ея служилъ орудіемъ для выраженія всего прекраснаго, возвышеннаго и благороднаго. Она была колыбелью просвѣщенія народовъ и источникомъ, изъ котораго проистекли по всѣмъ направленіямъ науки и искусства. Свободная Греція долгое время вкушала сладчайшіе плоды своей независимости; ея Гомеры, Гезіоды, Пиндары, Анакреоны, Софоклы, Эсхилы, Платоны и Аристотели не умерли, но служа мѣриломъ просвѣщенія тогдашняго времени, остаются вѣчными, недосягаемыми образцами совершенства. Наконецъ насталъ роковой часъ: Македонія, а потомъ окончательно властолюбивый Римъ прекращаютъ политическую жизнь Греціи. Побѣдители начинаютъ эпоху своего просвѣщенія съ этого времени; Македоняне преклоняютъ чело предъ

образованностью Грековъ, усвоиваютъ ихъ языкъ, водворяютъ его въ отдаленныхъ странахъ Азіи, на берегахъ Нила. Римляне побѣдители дѣлаются учениками побѣжденныхъ; Аѳины становятся Академіей Рима; языкъ Греческій входитъ въ Римѣ во всеобщее употребленіе; Римскіе ученые и ихъ дѣти посѣщаютъ Грецію и тамъ ищутъ истиннаго просвѣщенія. Никакой народъ не можетъ похвалиться столь блистательною побѣдою надъ своими побѣдителями! Энній, Теренцій, Плавтъ подражали, переводили Менандра, Аристофана; Лукреціи излагалъ въ стихахъ систему Эпикура; Виргилій настроивалъ на Римскій ладъ сельскую свирѣль Ѳеокрита и основалъ свой Римъ на пепелищѣ Трои; Цицеронъ постоянно выказываетъ себя питомцемъ Эллады, обожателемъ Демосѳена, поставляя его выше всѣхъ ораторовъ и вообще приписывая Грекамъ все, что украшаетъ человѣка и возвышаетъ его достоинство; Горація, великаго Горація вѣнчали Греческія музы; геній его черпалъ вдохновеніе въ токахъ Гиппокрены. Чѣмъ же объяснить такое вліяніе Греческаго языка на Латинскій? Вопервыхъ тѣмъ, что народы, населявшіе Италію, по происхожденію и по языку были, по большой части, родные Грекамъ; во вторыхъ тѣмъ, что истинное просвѣщеніе всегда и вездѣ увлекаетъ непросвѣщенныхъ, и свѣтъ прогоняетъ тьму: потому-то и побѣдоносные Римляне подчинились безспорно Греческому вліянію! Греческій языкъ и послѣ, въ самомъ образованномъ уже Римѣ, не мало способствовалъ къ усовершенствованію языка Цицеронова; многія слова и выраженія Греческія введены были въ него; названія наукъ, художествъ, названія разныхъ орудій въ разныхъ искусствахъ заимствованы также изъ Грече-

скаго. Слѣдовательно языкъ Греческій не будетъ никогда излишнимъ для основательнаго познанія Латинскаго языка, напротивъ того, будетъ всегда необходимымъ пособіемъ при изученіи прочихъ Европейскихъ языковъ, образовавшихся изъ Латинскаго. Изъ сказаннаго мною очевидно преимущество Греческаго языка даже надъ Латинскимъ, имѣвшимъ перевѣсъ единственно по особенному стеченію обстоятельствъ, которыя возвысили сперва Римъ надъ Греціей въ политическомъ отношеніи, послѣ же, замѣнивъ его свѣтскую власть духовною, вручили его священнослужителямъ образованіе и просвѣщеніе народовъ; но нынѣ, съ одинаковымъ безпристрастіемъ смотримъ мы на Римъ и на его нѣкогда священный языкъ, безъ страха говоримъ о властолюбивомъ Римѣ и безпристрастно судимъ о литературахъ Греческой и Римской. Греческая Литература имѣетъ превосходство предъ Латинской: вопервыхъ, оригинальностью своихъ произведеній, во вторыхъ, ихъ достоинствомъ и количествомъ дошедшихъ до насъ образцевъ. Здѣсь не мѣсто распространяться въ сравненіи этѣхъ двухъ литературъ и ставить въ параллель Виргилія съ Гомеромъ, Гезіодомъ, Ѳеокритомъ; Горація съ Пиндаромъ, Анакреономъ, Сафою; Ливія и Тацита съ Геродотомъ и Ѳукидидомъ; Цицерона съ Демосѳеномъ и Исократомъ; можно однако упомянуть, что философы: Пиѳагоръ, Сократъ, Платонъ, Аристотель и прочіе, обезсмертившіе себя, не находятъ даже никого въ древней Италіи, кто бы могъ у нихъ оспоривать пальму первенства.

Ни одинъ языкъ не существовалъ съ такою славою и столь долго, какъ языкъ Греческій. Отъ Гомера до нашествія Турокъ и до паденія Константинополя онъ постоянно удерживалъ свое пре-

обладаніе. Поэты изображали на этомъ языкѣ всѣ красоты природы, всѣ чувства, всѣ движенія души; ораторы столь увлекательно и торжественно волновали имъ тысячи слушателей. Сильный и выразительный, одушевлялъ онъ разсказы Исторіи и запечатлѣвалъ ихъ въ памяти слушателей и читателей; богатый, вслѣдствіе своей тысячелѣтней разработки, вѣрно служилъ онъ мудрецамъ древняго міра въ ихъ діалектикѣ; въ немъ находили прочное орудіе и наставникъ Александра, этотъ изумительный энциклопедистъ, и невольникъ Эпафродита, возвысившій свое рабство личными достоинствами, и Маркъ Аврелій, украсившій престолъ свой строгостью правилъ Портика. Это мощное слово выразительно звучало въ устахъ святителей рождавшейся и гонимой Церкви хрістіанской; ея истины первопачально прозвучали на немъ, имъ онѣ скрѣплены, и ручаются за безсмертіе тѣхъ звуковъ, въ которые воплотившись, спасли вселенную.

Новѣйшіе народы Европы не менѣе обязаны Грекамъ и своими искусствами и своими образцовыми сочиненіями. Благоговѣніе Англіи и Германіи къ Элладѣ извѣстно; музы Греціи какъ будтобы переселились туда и нашли въ нихъ вторую родину. Прекрасная Италія потому только первая начинаетъ сіять лучами просвѣщенія въ XV и XVI столѣтіяхъ, что, къ счастію своему, первая приняла въ нѣдра свои ученыхъ Грековъ, прибѣгнувшихъ къ ней отъ ига Мусульманъ. Франція также подъ вліяніемъ тойже Греціи, создала свои прекраснѣйшія творенія. Въ Россіи онъ уже искони положенъ въ основаніе просвѣщенія. Изъ Греціи первые лучи христіанства проникли въ наше отечество; первопачальное наше образованіе, первые наши

святители, первые учители, наши нравы, наши имена—все это Греческое: слѣдовательно уже со временъ Св. Владиміра мы связаны съ Греціей не разрывными узами вѣры и образованія! Русскій языкъ болѣе всѣхъ Европейскихъ схожъ съ Греческимъ языкомъ: и писменами, заимствованными отъ Грековъ, и счастливою сложностію словъ, и множествомъ реченій, заимствованныхъ почти безъ всякаго измѣненія отъ языка Греческаго, наконецъ образованіемъ своихъ формъ и ихъ употребленіемъ. Кому не извѣстны заботливыя старанія попечительнаго Правительства о распространеніи въ нашемъ Отечествѣ знанія этого безсмертнаго языка? Въ уставѣ Высочайше утвержденномъ въ 8-й день Декабря 1825 года въ § 235 сказано: „тѣ изъ удостоенныхъ при выпускѣ изъ Гимназій похвальными аттестатами, кои сверхъ прочихъ паукъ обучались и Греческому языку, опредѣляются въ Гражданскую службу прямо 14 классомъ и получаютъ соотвѣтствующія оному мѣста.“ Это преимущество, данное Греческому языку передъ прочими въ Россіи, есть слѣдствіе того, что плоды отъ его изученія, признаваемые всегда и вездѣ, не скрылись отъ взора пекущихся о распространеніи истиннаго просвѣщенія и въ нашемъ Отечествѣ. Наше общество, отцы и матери должны всмотрѣться въ это воззрѣніе благодѣтельнаго Правительства на образованіе; наши юноши должны начать учиться съ жаромъ, должны привыкнуть продолжать начатое въ Гимназіяхъ, — тогда зданіе науки у насъ поднимется великолѣпно, на диво всѣмъ, и мы сами изъ подражателей послужимъ предметомъ подражанію. Изучая произведенія литературы новѣйшихъ временъ, мы должны подмѣтить ходъ образованія государствъ остальной Европы,

т. с. какимъ образомъ достигли онѣ этой степени умственнаго развитія, на которой теперь находятся. Онѣ изучали древнихъ, долго питались этимъ здоровымъ молокомъ пока росли, пока укрѣплялись. Наконецъ, возмужавъ, стали на равнѣ со своими древними наставниками; безъ зависти и клеветы на нихъ, начали дѣйствовать самостоятельно, мыслить и чувствовать независимо и такимъ образомъ получили извѣстность въ наукахъ и искусствахъ. Теперь путемъ этимъ, однажды проложеннымъ къ образованію, слѣдуетъ вся Европа. Вотъ это должно и намъ подмѣтить и начинать съ изученія древнихъ; но такъ однако, чтобы громкія имена Гомера, Пиндара, Аристофана, Софокла, Эсхила, не были извѣстны намъ по одному слуху, не повторялись безплодно какъ одни звуки, отъ чего больше вреда чѣмъ пользы; но, чтобы въ произведеніяхъ нашихъ были видны слѣды отъ изученія этихъ великихъ образцевъ. Тогда, не будутъ ослѣплять насъ авторитеты иноземные; тогда, получая образованіе изъ первыхъ рукъ, мы выработаемъ просвѣщеніе свое, народное; тогда, уничтожится у насъ число молодыхъ людей, (*) которые часто, пренебрегая всякимъ ученіемъ, прямо мѣтятъ въ геніи; тогда, утвердятся непреложные законы вкуса и критики и водворится бо́льшее согласіе между учеными.

Нѣтъ ни одного рода литературы, которымъ бы не были мы обязаны Грекамъ. Всѣ роды поэзіи возросли и созрѣли въ Греціи. Греки, народъ воинственный, любившіе свое Отечество выше всего на свѣтѣ, имѣли своихъ героевъ, имѣли и поэтовъ,

---

(*) Это наши *львы* (lions) литературы.

достойно воспѣвавшихъ ихъ подвиги. Греческая эпопея единственна, недостижима. Много разъ человѣкъ ополчался на брань, много исчезло героевъ, много пало престольныхъ городовъ, тысячелѣтія протекли, а только ἔπος, слово Гомера, пережило все, и только въ немъ уцѣлѣла память объ Ахиллѣ и великомъ гражданинѣ Гекторѣ и о всей несчастной семьѣ Пріама: остальное умерло; никто не украсилъ себя вѣнкомъ Гомера.— Ода, то возвышенная и величественная, то роскошная и смѣющаяся, славящая побѣду или величающая удовольствія и нѣгу, получила свое начало и образованіе въ Греціи. Кто не слыхалъ именъ Пиндара, Анакреона, Стезихора, Алкея, Сафы и др.?—Греки первые выдумали золотые вѣка и обворожительныя картины пастушеской жизни; имъ-то безъ спора принадлежитъ элегія, усовершенствованная Мимнермомъ, Симонидомъ и другими.—Драматическое искусство въ Греціи достигло также высшей степени своего развитія; Греческая сцена богата именами Эсхила, Софокла, Эврипида, Аристофана. Замѣтимъ здѣсь, что всѣ Французскіе трагики вмѣстѣ не произвели столько пьесъ, сколько каждый порознь изъ Греческихъ драматурговъ. Между тѣмъ Греки заключались въ своей древней Миѳологіи и Исторіи; Мельпомена ихъ вооружала своими кинжалами небольшое число семействъ, появлявшихся безпрестанно на сценѣ.—Исторія не менѣе того родилась въ этой странѣ, какъ и прочія науки. Нельзя не благоговѣть передъ Геродотомъ; его Музы представляютъ намъ первыя человѣческія общества; это первая Всеобщая Исторія! Геродотъ всегда будетъ пользоваться славою за то, что онъ первый подробно описалъ Египетъ, что далъ намъ понятіе

о началѣ Греческихъ республикъ и живописно начерталъ паденіе Ксеркса, котораго всѣ силы сокрушились въ борьбѣ съ Спартою и Аѳинами. Что за плѣнительная красота въ рѣчахъ его героевъ! Что за драматическое искусство въ представленіи Персидскихъ мудрецовъ, придумывающихъ какое правленіе полезнѣе отечеству; въ описаніи гордости Ксеркса, презирающаго предостереженія боговъ, совѣты дружбы и наставленія опыта! Менѣе изящный, но болѣе энергическій живописецъ, болѣе богатый мыслями Ѳукидидъ, безпристрастно изображаетъ волнующіяся Аѳины, свое отечество, искусство Перикла въ завладѣніи браздами правленія, Перикла, притворно прикрывающаго свои поступки благоговѣйнымъ уваженіемъ къ законамъ; наконецъ еще болѣе измѣнническіе обманы Алкивіада, который славу города Минервы затмилъ на берегахъ Сициліи. Никто не писалъ безпристрастнѣе великаго Ѳукидида о своей родинѣ, какъ она, уклоняясь отъ добродѣтелей своихъ предковъ, предаваясь нѣгѣ и роскоши, лишилась своей прежней славы и независимости. Въ немъ-то нужно искать причинъ паденія Аѳинъ и славы Греціи! Сочиненія этихъ бытописателей лучше наставятъ Историка, нежели преданія постороннихъ, списки и наконецъ недостовѣрныя свидѣтельства переводчиковъ, переводившихъ часто съ переводовъ: образованному историку необходимо знакомство съ подлинникомъ, съ свидѣтелями — очевидцами.

Равнымъ образомъ Эллада была колыбелью и Философіи. Школы Сократа, Пиѳагора и Ѳеофраста извѣстны всему міру. Нельзя сравнивать вліянія на умы Философовъ нашихъ временъ съ вліяніемъ древнихъ; послѣдніе были оракулами, законо-

Государственный ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР

дателями, въ нѣкоторомъ родѣ главами обществъ, составлявшихъ республики въ нѣдрахъ республикъ. Какою властію пользовался Самосскій мудрецъ! Онъ преобразовалъ многіе города, онъ поселялъ въ душахъ гражданъ честь и добродѣтель, не напрасно удостовѣрялся онъ въ своихъ ученикахъ, подвергая ихъ суровымъ испытаніямъ: они за то, и по кончинѣ своего учителя, исполнясь его духомъ, долго наблюдали его правила. Платонъ повсюду старался поддерживать свою діалектику прелестью краснорѣчія; онъ отличается божественнымъ, подлинно Гомерическимъ изложеніемъ; такъ высоко возносится надъ обыкновенною прозою, что кажется одушевленнымъ не человѣческими силами, а свыше вдохновеннымъ.

Занимающійся Философіей въ наше время, слѣдуя древнимъ образцамъ, легче всего образуетъ свой умъ и сердце; ибо хотя древніе были погружены въ тьму язычества, но лучь премудрости Божіей всегда ярко горѣлъ въ умахъ избранныхъ; они неусыпно проповѣдывали о любви къ Богу, къ ближнему, объ уваженіи къ законамъ; они внушали любить свое отечество, чтить правду, избѣгать порабощенія себя страстямъ. Читая Платона и Ксенофонта о Сократѣ, мы съ умиленіемъ слѣдимъ за жизнью этого праведника-мудреца и роняемъ слезу на могилу мученика за истину. Полагая себѣ въ основаніе древнихъ, новый Философъ увидитъ, что почти всѣ новѣйшіе почерпали свои знанія изъ этого моря познаній и только пересоздавали великолѣпныя зданія Эллады по стилю новаго зодчества. Главнаго въ Философіи, т. е. самостоятельности въ мысляхъ и сужденіяхъ нигдѣ нельзя пріобрѣсть легче, какъ въ чтеніи писателей Грече-

скихъ. Языкъ Греческій, по своему строенію, по счастливой удобосложности своихъ словъ, по своему синтаксису, совершенно различному отъ языковъ Европейскихъ, удобнѣе служитъ къ развитію понятій человѣка. Ни одинъ изъ новѣйшихъ языковъ не въ состояніи замѣнить его въ этомъ отношеніи; всѣ они болѣе или менѣе схожи между собою въ своихъ формахъ; поэтому и умъ учащагося, не находя при изученіи ихъ большаго затрудненія, развивается слабѣе, чѣмъ при чтеніи Греческихъ писателей.

Не только Исторія, Поэзія, Философія, но и всѣ прочія отрасли человѣческихъ познаній возрасли и созрѣли въ древней Эллádѣ; краснорѣчіе имѣетъ тамъ своихъ Демосѳеновъ, Исократовъ,—Геометрія своихъ Евклидовъ; Географія своихъ Страбоновъ и Птоломеевъ, — Медицина своихъ Гиппократовъ и Галеновъ. Въ эту послѣднюю науку, которая родилась и возмужала подъ Греческимъ небомъ, изъ Греческаго языка взяты и ей присвоены почти всѣ названія болѣзней, лекарствъ и медицинскихъ орудій. — Богословіе, наука, стоящая во главѣ всѣхъ наукъ и для человѣка, какъ существа духовнаго необходимѣйшая, неразлучная спутница Философіи, требуетъ также познаній въ Греческомъ языкѣ; нанемъ написано Евангеліе, посланія Св. Апостоловъ, и прочія Священныя книги и высокія творенія Отцевъ Восточной Церкви: Іоанна Златоуста, Василія Великаго, Григоріевъ и многихъ другихъ, на сочиненіяхъ которыхъ исключительно опирается истина Христіанскаго закона. На этомъ языкѣ написаны также Церковныя Исторіи Евсевія и Ѳеодорита, заключающія въ себѣ свѣдѣнія, необходимыя для Богослова. Безъ знанія Греческаго языка, всѣ

древнѣйшіе источники Церковной Исторіи и догматовъ столь важныхъ по достоинству, какъ напр. сочиненія Юстина мученика, Климента Александрійскаго и прочихъ, будутъ для него недоступны. Видя, съ какимъ усердіемъ дѣти западной Церкви стоятъ за латинскій языкъ, зная, съ какимъ жаромъ читаютъ строки алкорана всѣ Мухамедане, я думаю, что для всякаго православнаго, особенно же духовнаго Христіанскаго Учителя, священный языкъ Евангелія долженъ быть краеугольнымъ камнемъ всѣхъ познаній.

Вотъ превосходство Греческаго языка! Науки и искусства вышли изъ Греціи; всѣ народы чувствуютъ ея вліяніе; литературы ихъ образованы по Греческимъ писателямъ. Послѣ всего этого, возможно-ли сомнѣваться въ пользѣ изученія Греческаго языка? возможно ли требовать отвѣта на странный вопросъ: къ чему полезенъ Греческій языкъ? Греческій языкъ полезенъ для того, чтобъ раскрыть предъ новымъ человѣкомъ древность, показать ему, каковъ былъ древній человѣкъ, каковы были его страсти, его чувствованія, его нравственность, его просвѣщеніе; чтобы, читая писанія Древности, мы могли сдѣлатся скромнѣе, освободиться отъ предразсудковъ; чтобы наконецъ мы могли лучше познать и обогатить свой собственный языкъ и имѣть достойные образцы для изученія.

Къ чему, говорятъ другіе, учиться мертвымъ языкамъ? Самое уже это названіе невѣрно и безъ смысла. Греческій и Латинскій языкъ, т. е. оставленные намъ памятники, не мертвы; они наслѣдіе, завѣщанное намъ народами, которые, совершивши свое назначеніе, не умерли, а только сошли съ поприща Исторіи. Вся ихъ духовная жизнь

выражалась въ языкѣ. Итакъ, если эта духовная жизнь цѣлаго народа, выражавшаяся въ языкѣ, успѣла отпечатлѣться въ памятникахъ; если эти памятники устояли въ борьбѣ со временемъ; если эта жизнь была велика и поучительна; если, отпечатлѣвшись въ памятникахъ, она нисколько не потускнѣла отъ времени; если эти памятники доступны всякому, имѣющему волю съ ними знакомиться, — то возможно ли ихъ называть *мертвыми?* Притомъ, одинъ языкъ, и то отчасти только, можно назвать своимъ, живымъ языкомъ; это языкъ тотъ, который изъ материнской груди мы высосали съ молокомъ; прочіе *мертвы* для насъ и не имѣютъ никакого смысла *до того времени*, пока нашъ разумъ не разгадаетъ ихъ звуковъ, ихъ начертаній. Въ такомъ смыслѣ всѣ, даже новѣйшіе языки мертвы, и становятся для каждаго живыми по мѣрѣ умственной его дѣятельности. Для другаго и русская грамата мертва; а иной, запершись въ четырехъ стѣнахъ, чародѣйскимъ образомъ, собственными трудами, вызываетъ предъ себя мудрецовъ новаго и древняго міра и ведетъ съ ними усладительныя бесѣды. Онъ не вѣритъ въ смерть, и какъ безсмертный христіянинъ, живой духомъ, вѣруетъ въ жизнь вѣчную; для него ничто не умерло,—и самъ онъ будетъ безсмертенъ! Многіе ходили около пирамидъ и глядѣли на надписи, какъ на потерявшія смыслъ начертанія, а Шампольонъ — Младшій и знаменитый его антагонистъ, нашъ соотечественникъ Гульяновъ, осмыслили ихъ однако пытливостью своего духа. Далеко на востокѣ плющь обвиваетъ развалины Ниневіи и Вавилона; живые, по видимому, народы толпятся вокругъ; безсмысленно ходятъ среди развалинъ усопшаго поколѣнія, безсмысленно

глядятъ на клинообразныя надписи; онѣ для нихъ мертвы! Однако Клейкеръ, Нибуръ, Лассенъ, Вестергардъ, Бюрнуфъ, Ботта читаютъ ихъ, показываютъ ихъ отношенія къ языку Зендскому, и бросая этимъ свѣтъ на жизнь древняго человѣка, приносятъ великую услугу человѣчеству. Мысль праотцевъ нашихъ, спеленанная въ эти гіероглифы, вѣчно живая, ясно однако и живымъ голосомъ говоритъ этимъ мудрецамъ. Они невольно наводятъ насъ на ту мысль, что не языки древніе мертвы, а скорѣе каждый изъ насъ мертвъ глухъ и слѣпъ для языка до тѣхъ поръ, пока не прозритъ: прозрѣть же каждому дано; но не каждый хочетъ, не каждый умѣетъ хотѣть, не каждый имѣетъ равныя силы къ тому.

Мнѣ объясняютъ: мертвымъ языкомъ потому мы называемъ Греческій языкъ, что на немъ уже не говорятъ, что онъ уже болѣе не звучитъ и звучать не можетъ въ устахъ человѣка. Но это не доказательство, чтобы потому то и не учиться Греческому языку. Вообще всѣмъ, такъ называемымъ живымъ языкамъ, которыми говоритъ нынѣ человѣкъ, учиться должно не потому единственно, чтобы на нихъ говорить; это цѣль второстепенная, а потому чтобы пользоваться сокровищами ума, которыя хранятся въ писаніяхъ каждаго народа. Рѣчь звучащая какъ звукъ, часто жива бываетъ только физически, мертва духовнымъ образомъ; рѣчь писанная, какъ слѣдствіе мышленія, молчаливо покоящаяся на страницахъ книги, по видимому мертва, мертва только для мертвыхъ, но жива сама въ себѣ, будетъ жить и переживетъ много звуковъ. Не тотъ живетъ, кто звучитъ: шумятъ потоки, шорохъ издаютъ листья, пѣснь поетъ заунывную вѣтеръ, τὰ ζῶα оглашаютъ воздухъ своимъ говоромъ, Готентоты и Самоѣды го-

ворятъ, — это разныя степени физической жизни; но это не жизнь! Жизнь есть проявленіе духа. Многіе народы, многіе люди, теперь живые, живы только по видимому: жизнь ихъ оптическій обманъ; они мертвы, они мертвецы. Греки по видимому умершіе, да, умершіе физически, безсмертны великой своей жизней, которая выразилась въ произведеніяхъ ихъ духа, и стоятъ того, чтобы быть предметомъ ежедневной бесѣды. Бесѣда ихъ жива, поучительна, но только не для мертвыхъ; чтобы ей удостоиться, нужно быть самому полнымъ жизни.

Иной возражаетъ: вѣдь есть переводы. Во-первыхъ у насъ ихъ почти нѣтъ; притомъ составить хорошій переводъ стоитъ большаго труда и требуются непосредственныя знанія, равно какъ и для того, чтобы срисовать превосходный портретъ; а подлинникъ всегда останется выше списка. Во вторыхъ и для того, чтобы имѣть хорошіе переводы, нужно же создать хорошихъ переводчиковъ; слѣд. должно учиться по-гречески. Наконецъ, всѣ сочиненія, въ которыхъ внутренняя форма тѣсно соединена съ наружной, какъ напр. поэтическія, ораторскія, историческія, никакимъ образомъ не могутъ быть переведены; Гомеръ, Платонъ, древніе трагики и лирики не переводимы; ибо внутренній характеръ ихъ языка совершенно различествуетъ отъ характера новѣйшихъ языковъ. Случается иногда, что то, что въ Греческомъ Гомерѣ неизъяснимо занимаетъ, въ переводѣ покажется смѣшнымъ; ибо новые языки, образованные общественными связями и сношеніями, очень часто не могутъ выразить простоты и наивности Греческихъ писателей, жившихъ ближе къ природѣ. Чтоже касается до переводовъ съ Греческаго сочиненій историческихъ, то они не

имѣютъ никакого достоинства въ глазахъ ученаго; ибо никто не можетъ ручаться, что переводчикъ хорошо понималъ и точно переводилъ всѣ мѣста; особенно когда и понимая подлинникъ, безъ всякаго злаго умысла, только по причинѣ свойствъ языка или обстоятельствъ, зависящихъ отъ времени, образа правленія, правовъ, многаго перевести не возможно. Прибавимъ, что плодъ своихъ трудовъ гораздо полезнѣе и пріятнѣе, что гораздо вкуснѣе пить свѣжую воду изъ кристальнаго ключа, чѣмъ принесенную издалека, и потерявшую животворную прохладу, хотя бы даже и въ золотой чашѣ; что кусты и деревья, роскошно вырастающіе подъ южнымъ небомъ, при всемъ попеченіи рукъ человѣческихъ, пересаженные на чуждую имъ почву, являются уродливыми карлами.

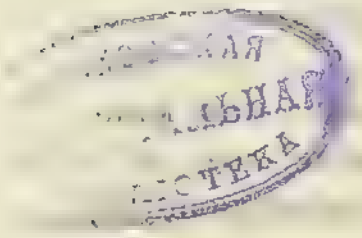
„Мало ли языковъ? говорятъ многіе, почемуже давать преимущество Греческому, а не какому либо другому языку? Не лучше ли было бы посвятить время наукамъ?“ Языковъ много, точно, но языкъ Евангелія и Гомера, языкъ Златоуста и Платона далеко оставляетъ ихъ за собою; потому-то онъ и имѣетъ преимущество предъ всѣми! Другіе древніе языки, будучи богаты необъемлемою литературою, оставались всегда чуждыми Европейскому образованію и доступны были только немногимъ избраннымъ; тогда какъ Греческое солнце освѣщало и согрѣвало насъ; тогда какъ роса, падающая съ Греческаго неба, питала и освѣжала насъ постоянно. Чтожъ касается до времени, то время, посвящаемое изученію языковъ, посвящается вмѣстѣ и наукѣ; потому что языкоученіе не заключается въ безконечномъ изученіи однѣхъ наименованій и въ упражненіяхъ грамматическихъ. Этотъ трудъ, точно, встрѣчаетъ учащагося въ самомъ началѣ; но умъ свѣтлый его скоро

одолѣваетъ; услуга памяти, которая въ самомъ преддверіи языкоученія не исключительно дѣйствовала, а только второстепенно, оканчивается быстро и наконецъ уступаетъ совершенно дѣятелю болѣе великому — мысли; каждый языкъ, которымъ бы мы ни занимались, мало по малу, становится для насъ роднымъ; сокровища его открываются, и пользуясь ими, мы убѣждаемся на дѣлѣ, что языкознаніе есть золотой ключь къ храму науки.

Послѣ отвѣта на всѣ эти возгласы: и о мнимой смерти произведеній ума человѣческаго и о переводахъ, у насъ почти еще не существующихъ, и на то, почему Греческій языкъ, а не другой какой-либо уже въ продолженіи цѣлыхъ тысячелѣтій признается предметомъ достойнымъ для изученія; послѣ отвѣта на несправедливый взглядъ на изученіе всѣхъ языковъ вообще и на ошибочное разграниченіе нѣкоторыми языкоученія отъ наукъ, — считаю долгомъ присовокупить, что всѣ эти возраженія дѣлаются a priori, не въ слѣдствіе предварительнаго изученія, слѣдовательно безъ всякаго права на дѣланіе возраженій и безъ всякихъ на это данныхъ.

Вотъ мои понятія о важности предмета, которымъ я занимаюсь уже 20 лѣтъ! Изложивши ихъ нарочно на языкѣ родномъ, въ звукахъ, понятныхъ для каждаго, считаю себя счастливымъ, что день торжественнаго собранія нашего дозволилъ мнѣ хотя отчасти подѣлиться моими убѣжденіями съ образованными слушателями. Счастливѣе еще почту себя, если найду отголосокъ въ ихъ мысляхъ; а вполнѣ буду счастливъ: если слова мои запопятся въ души

юныхъ нашихъ питомцевъ; если они, оставивъ это святилище науки, не остановятся въ своемъ стремленіи къ познаніямъ; если искра любознанія, возженная въ ихъ сердцахъ, обратится во всепожирающее пламя; если наконецъ сѣмя, посѣянное ихъ наставниками, возрастетъ роскошною зеленью, покроется пышнымъ цвѣтомъ и подаритъ прекрасные плоды любезному нашему отечеству.



2007089241